

Глава 1

Я не оглядываясь покинула апартаменты ректора, не торопясь спустилась на первый этаж преподавательского общежития. Зашла в свою комнату и постояла в центре, размышляя, правильно ли я поступила.

По всему выходило, что я крепко подставила мамушку Артура. Она действовала рефлекторно, выполняя мою просьбу расстегнуть замочек на браслете. И все произошло слишком быстро, чтобы она успела осознать, что это брачный браслет, который ее сын надел мне на руку.

С другой стороны, слушать о себе гадости? Терпеть пренебрежение, презрение или снисхождение? И это на всю оставшуюся жизнь, потому что брак подразумевает общение с родственниками.

Увольте! Я на такое не подписывалась. Не так уж сильно я хочу замуж, чтобы терпеть подобную свекровь. А вот несостоявшийся свекор ничего так, в целом приятный мужик. Мы бы поладили, мне кажется. Но и он растерялся и не успел выступить ни на моей стороне, ни на стороне законной супруги.

Ну что ж. Зато теперь я снова свободная девушка, помолвка разорвана. Причем разорвала ее мать же-ниха.

С этими артефактами все сложно. Я как-то пыталась снять браслет, но у меня ничего не вышло, потому что замок я даже нащупать не смогла. Он словно растворился после того, как его застегнул Артур. Позднее я узнала, что снять подобное помолвочное украшение может лишь тот, кто надел, или один из старших родичей. Мать вполне подходит под это описание. И действительно, ей замок магической безделушки мгновенно поддался.

Пусть родители сами все объясняют своему отпрыску. А Барон потом передаст хозяину все *случившееся* в полном варианте, без купюр и цитат. Удобно, наверное, иметь фамильяра и магического питомца. Себе, что ли, все же рискнуть и завести?

Вот когда Артур, опоздавший к приезду своей воинственно настроенной матери, все узнает, выслушает, успокоится, тогда и я с ним поговорю.

Взяв со спинки стула сумку с вещами Софи, повесила ее на плечо. Потом подхватила толстенный ежедневник, куда я вписывала все свои грандиозные планы и списки дел, и сжала артефакт переноса в академию Изнанки.

Надо бы поработать. И сходить поужинать. А то я на нервной почве слегка проголодалась. Виду я не подавала, но общение с семейством Грессов изрядно выбило меня из колеи и взбесило.

Но хотелось не плакать, а... кого-нибудь немного прибить. Ну или хотя бы как следует поорать и вставить звездюлей за все хорошее.

Артефакт перенес меня в аудиторию, где я читала демонам лекции. Учитывая внеурочные часы, тут было пусто. Осмотревшись, я вышла в коридор и пошла на звуки голосов, заодно осматриваясь. Как-то не

до того все было, чтобы просто понять, как выглядит мое второе место работы.

В душе кипела глухая ярость, которая не имела возможности выплеснуться наружу. Сейчас она напоминала адское зелье в ведьмином котле. Ведь всю беседу с семейством Грессов мне приходилось изображать вежливость, любезность и прикидываться, что я ничего не слышала. Я передернула плечами.

Гадюка аристократичная вы, мадам Гресс... Да катитесь к черту со своими оскорблениями и снобскими замашками.

Причем меня бесила не она сама, я с ней и не знакома даже. А то, что, ничего не зная, не понимая, как реально обстоят дела, мадам примчалась с претензиями и поспешила вылить на меня ушат грязи. Ну хорошо, я стержовная землянка, я могла и нецензурно ее послать и поставить на место, мне плевать, что она обо мне думает. А будь на моем месте затюканная сломленная девчонка? Которая еле выжила, с трудом оправилась, собрав силы, выстроила жизнь заново. И тут, блин, прибегает эдакая расфуфыренная курица и орет что-то...

Сама бы Кармила как себя чувствовала, пройдя через тот ад, что пришлось пережить Мариэлле? Я запоздало булькала негодованием, шипела как разъяренная гюрза и мысленно склоняла на все лады несостоявшуюся родственницу. Вот пусть только вякнет мне еще хоть что-то, я ее посажу в кресло и в красках расскажу ужастик. Не поленюсь украсить эпитетами и сравнениями. Или вообще дам почитать занятное повествование. Зря я, что ли, старалась и выколупывала из базы данных памяти Мариэлле все до мельчайших воспоминаний. Пусть насладится, мать его, аристократичная Кармила...

Софи сидела у меня на руках, что-то агукала на своем языке, пыталась хватать меня за волосы. А я печатала шаг, шипя сквозь зубы ругательства и клокоча как чайник.

Вдруг спереди раздалась крики, взрывы, стук, рычание и цокот когтей. А потом на нас из-за угла дальше по коридору выскочила какая-то монструозная тварь. Я даже не поняла, что это, кто это...

Размером с крупного ротвейлера, сантиметров эдак семьдесят в высоту, такая же широкая квадратная тумба на лапах и примерно такого же окраса — лоснящаяся черная и с рыжими подпалинами. Только очень уж стремная на вид и рогатая. И все бы ничего, но эта демоническая зверюга имела три башки. И тоже примерно как у ротвейлера. Ага, квадратные такие.

И вот несется на меня эта гора мускулов, все три морды кирпичом, с клыков слюна капает, все три пары глаз горят бешенством, и все три пары рогов воинственно промеж ушей торчат... Только когти по полу и по стенам скребут, потому что монстрище, попирая законы физики и силы тяжести, еще и от стен отталкивается периодически и прыгает. И за нею следом кто-то бежит и заклятиями, судя по всему, швыряет. И все ближе, ближе...

А у меня на плече сумка с детскими вещами, в одной руке ребенок, а во второй подаренный магистром Эррадо черный ежедневник, тот самый, который «Большие планы маэстрины». Я только и успела быстро посадить Софи у стеночки на пол, сбросить рядом с ней сумку с вещами и прикрыть их щитом. Заклинание это у меня слетало уже автоматически в любой ситуации, как только я спускала малышку с рук.

И вот лучше поэта нашего всея Руси, великого и незабвенного, и не скажешь: «Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень»¹.

Взбешенная и успевшая довести себя до точки кипения и взрыва попаданка с Земли, которая устала от всего происходящего вокруг магического и аристократического произвола. И демоническая тварь, кем бы она там на самом-то деле ни была. Явно не безобидное «цобачко», раз за ней бегут с убийственными заклинаниями и пытаются испепелить.

Цобачко гулко взвыло центральной головой, рыкнуло левой, издало низкочастотный звук правой и рвануло меня жрать.

— Кранты тебе, тварь неведомая! — рывкнула озверевшая я и опустила на среднюю голову томик своих планов.

Я колошматила зверюгу своей черной книжечкой от всей широты души. Била куда попало, вообще не думая о том, что творю. Я свою жизнь защищаю и жизнь своего ребенка. Колотила раз за разом, зверюга получала по башке, одной, другой, третьей. Она рычала, выла, скулила...

Стоп... Я замедлилась. Точно, скулит...

Офигевшая монструозина поняла, что еда против того, чтобы ее жрали. Признала, что я сильнее, припала к полу на брюхо, вытянула вперед все три головы, скулила, подвивая и повизгивая. Не будь она такой страшнучей — и правда как собака.

Хотя, мне кажется, все представители псовых себя так ведут перед альфой. А сейчас альфа точно я. Рас-

¹ «Евгений Онегин» А. С. Пушкин. (Здесь и далее — прим. авт.)

красневшаяся, взбешенная, взмыленная, растрепанная и запыхавшаяся. И пусть только рыпнется, уничтожу!

Что-то такое зверь прочитал по моему лицу или эмоциям. Кто их там разберет, эту демоническую фауну, может, они даже и мысли сканировать умеют, как и разумные двуногие этого мира. Я сердито сдула с лица прядку, щекотавшую мне нос. Зверь снова заскулил и принялся возить по полу толстым гладким хвостом.

Я хрипло скомандовала и жестом изобразила, будто выстрелила в нее из невидимого пистолетика, выставив указательный и средний палец:

— Лежать! Замри!

Хвост замер, но толстый, похожий на бутон, кончик его нервно дрожал, выдавая возбуждение.

А я утерла лицо локтем и только тогда подняла взгляд выше. Во время нашей эпичной битвы краем глаза заметила, что кто-то прибежал, но мне было не до них.

— Ну?! — хмуро спросила я стоящих напротив пятерых парней. Демонов, само собой. И совсем юных. Первый курс, что ли?

Они переглянулись, но отвечать не спешили.

Еще дальше за ними стоял мужчина в мантии магистра, и вот у него в руках как раз светились остатки боевых заклинаний. Только демонических. Я как-то понимала разницу. Все же Мариэлла училась в академии рядом с боевиками. И не единожды наблюдала различные вариации боевых заклятий и щитов.

Встретившись со мной взглядом, препод шагнул вперед, растолкав своих подопечных, и заявил им:

— Видели? Так делать не надо. Никогда! Вы должны были дезактивировать грóнха путами, после чего уничтожить и вышвырнуть останки в бездну. Это чудо, что он вас не сожрал.

Я выразительно подняла брови, потому что не люблю, когда меня игнорируют. Да еще в подобной ситуации, когда я чудом осталась жива и смогла отбиться от какого-то гронха, который живет в бездне.

— Но маэстрина же... — жалобно вякнул один парень, считав мое настроение по мимике.

Ага! Они меня знают.

— Вы — жалкое потомство горной обезьяны, не совладавшее ни с порталом, ни с заклинаниями и упустившее молодого дикого гронха в академии! Человеческая женщина действовала в состоянии аффекта, она защищала потомство. Пришлось бы, она гронху все три пасти голыми руками разорвала бы. Это ясно, неучи?! — рявкнул демон.

— Так точно, магистр! — вытянулись пацаны по струнке.

— Вон с глаз моих! Каждому наказание сроком на месяц. Зайдете забрать разнарядку в деканате. — Он как-то хитро махнул рукой, и парней затянуло в портал, открывшийся за их спиной.

Круто! Вот бы мне научиться порталы открывать. Это ж какая свобода перемещений сразу образовалась бы. Не повезло мне, что в Одимене человеческие маги этого не умеют. Только большие стационарные порталы. Хотя и это — недешевое удовольствие.

— А они своего гронха не заберут? — напомнила я о себе.

— Это теперь ваш гронх, — мазнув по притихшей зверюге взглядом, ответил магистр. — Забирайте его, своего ребенка и вещи. Провожу вас.

— Ребенок мой. Вещи мои, — пробормотала я устало. — Цобачко не мое.

— Ваше. Вы подчинили его, он признал силу и авторитет. Отныне вы вожак, он подчиняется только

вам. Потом дадите ему имя. И можете уже отпустить, он устал. Молодой, дурной, не может долго сохранять неподвижность.

Я задумчиво посмотрела на гронха. Получила в ответ три влюбленных щенячьих восторженных взгляда и ручьи слюней из всех трех пастей.

— Насколько молодой? — спросила вслух.

— Около года, если судить по рогам.

— Встать! К ноге! — Жестами, которые неоднократно видела у собачников, изобразила две команды.

Гронх подскочил на месте, буксуя и проскальзывая всеми лапами, заходило ходуном мощное тело, так сильно мотылялся его хвост.

Капец! Я приручила демоническую тварь. Ее придавило большими планами маэстрины. Рассказать кому — засмеют.

— Чем вы его били? Магический талмуд? — проследил мой взгляд препод, который терпеливо ждал, пока я очухаюсь.

— Вы не поверите... — меланхолично пробормотала я и продемонстрировала ему название. — Это мой ежедневник. Список дел.

У демона дернулся глаз. Потом щека. А потом он расхохотался. Говорить не мог, но подошел к Софи, поднял ее на руки, не обращая внимания на мой щит. Малышка ничуть не смутилась нового дяди, не испугалась, просто тут же схватила его одной ручкой за нос, другой попыталась за рог. Не дотянулась, и в плен цепких пальчиков угодило ухо. А магистр подхватил с пола мою сумку и открыл портал.

Все так же весело гогоча, жестом велел мне в него проваливать и не забыть трехголовую, мать его, тварюшку.

— Рядом! — скомандовала я и голосом, и жестом.

Наверное, я была слишком сильно ошеломлена и дезориентирована ситуацией. Откат от пережитого еще не наступил, и я вела себя почти спокойно.

Что удивительно, дикое животное, которое я неведомым образом покорила, слушалось беспрекословно. Можно подумать, что это идеально вымуштрованная кинологом собака. Я-то так, немного команд просто подглядела у знакомых. Сама я собак не люблю и никогда их не заводила. Мне кошки больше нравятся. Вот Барона я с удовольствием тискала и жмякала, он мурлыкать умеет.

Вышли мы в приемной ректора. Дверь в кабинет была открыта, глава академии сидел за своим монументальным письменным столом, пил что-то алкогольное из хрустального бокала и читал газету.

Демон. Рогатый. Огромный. Пьет из хрустального бокала и читает... газету. Я даже мысленно все это проговорила.

А тут я. С отсутствием прически и спокойствия, но зато с дитем и песиком. Гронх который.

— Маша, — невозмутимо отсалютовал мне магистр Эррадо бокалом. — Чай? Кофе? Коньяк?

— Коньяк, — не раздумывая, ответила я, прошла к креслу у стены и села.

Трехголовый монстр процокал следом и послушно встал рядом, глядя на меня преданным взглядом.

— Сидеть, — велела я, изобразив это и жестом.

Сначала хотела попросить сопроводившего нас преподавателя академии вернуть мне Софи, но в последний момент передумала. «Цобачко», конечно, слушается. Но это пока. И все же я ему не доверяю. Пусть лучше ребенок будет поближе к тем, кто сможет его защитить, если что.

Мужчина, все еще посмеиваясь, непринужденно донес Софи до кровати, которая тут так и стояла, и сгрузил внутрь. Освободил свой нос и ухо, погладил девчужку по голове. Похоже, его ничего не смущало. А ректор тем временем поухаживал за мной. Поднес мне коньяк, лимон и тарелку с пирожными и засахаренными фруктами.

Коньяк обжег горло, прокатился огненным комом по горлу и ухнул в желудок. А я посидела минуту с закрытыми глазами, ожидая, пока меня отпустит. Испугалась я ужасно. Действовала ведь на чистом ужасе и адреналине. Открыв глаза, я снова отпила коньяка, уже меньше. И зажевала сначала лимоном, а потом какой-то фруктовой штукой. То ли слива вяленая в кристалликах фруктозы, то ли абрикос. И не поймешь, но сладко и вкусно.

И лишь после этого подняла глаза на мужчин. Магистр, чьего имени я не знала, уже тоже сидел, с комфортом развалившись в другом кресле, и тоже смаковал коньяк.

Демоны, судя по всему, ждали, пока я приду в себя. А как только мой взгляд приобрел осмысленность, ректор предложил:

— Ну а теперь рассказывайте. Откуда в академии взялся молодой дикий гронх? Кто его призвал? Почему его не уничтожили или не зашвырнули обратно, когда он вырвался из-под контроля? Ну и самое любопытное. Почему он признал вожаком и хозяином нашу юную слабую леди, которая не обладает магией подчинения и уничтожения подобных тварей?

— Не поверите, — с ухмылкой повторил мою фразу неизвестный мне пока магистр. — Эта прекрасная и хрупкая человеческая женщина забила гронха. Он пал жертвой ее больших планов. — Он снова захохотал, не выдержав.

Ректор посмотрел на меня, требуя объяснения. Ну, пришлось мне поднять и показать, чем я колошматила гронха.

— Я испугалась. Он хотел меня сожрать, я защищалась.

— Маша, вы его били этим? — странно ухмыляясь, спросил магистр Эррадо.

— Да. А чем еще? Не детской же соской. Она была в сумке рядом с Софи.

Ой, вот и нечего так ржать. У меня тут стресс, я вообще в шоке, ужасе, панике. Ну, не совсем, конечно, коньяк у ректора хороший. Отпускает меня уже.

— Маэстрина Мариэлла, скажите, кто вас так взбесил, что вы голыми руками и силой ярости смогли подчинить дикую нечисть?

— Несостоявшаяся свекровь, — хмуро призналась я. — Гадостей наговорила мне, помолвку я разорвала, она браслет с моей руки сняла. А тут это... Бежит, скалится, когтями цокает. Не стоило ему меня пугать.

— Ну он же не знал, — сдавленно отозвался мой будущий родственник. — Молодой еще, года нет. Его впервые вырвали из стаи, тут толпа двуногих, он выбрал самого безобидного противника — мелкую самку. Как гронху было предположить, что на его пути окажется земная девушка в плохом настроении?

— Издеваетесь, да? — мрачно уточнила я.

— Немного, — не стал он отпираться, стараясь не смеяться. — Мари, пообещайте мне на будущее, что никогда больше не станете забивать гронхов тетрадьями и книгами. Это хищная дикая нечисть. Да, они хорошо обучаемы, да, признав хозяина и вожака, преданы ему до последнего вздоха. Но, Маша... Это зверь. Дикий зверь.

Глава 2

Я опустила взгляд.

Хищная дикая нечисть тарасилась на меня восторженно, свесив все три языка и пуская слюни на ковер. Я вздохнула и риторически спросила:

— И что мне теперь с ним делать?

— Жить. Он теперь ваш до самой смерти. Лет через триста состарится и сдохнет. Но, может, и неплохо. Дам вам книги. Почитаете. Будет охранник.

— Я же его не прокормлю, — уныло сказала я. — К тому же в Усаче запрещено заводить живность. Только фамильяров или магических питомцев. Вот как кот ректора.

— Да куда уж более магическое, — хмыкнул второй демон. — Вы на ауры-то гляньте, маэстрина.

Я переключилась на магическое зрение. Ну... тварь это явно магическая, хищная и, действительно, нечисть немного. Хотя, если так рассуждать, все демоны некоторым образом нечисть. Особенно низшие. Структура такая, ничего с этим не поделаешь.

А еще этот комок бешеной энергии и мощи теперь связан со мной. От гронха тянулся толстый энергетический канат и крепился ко мне. Так более слабые особи на уровне инстинкта привязываются к родителям, хозяевам, воспитателям. Но такие канатики обычно со временем истончаются, иногда рвутся. Здесь же трехголовый гронх словно сидел в сияющем коконе, и этот кокон плавно перетекал в меня. То есть даже не связь, а... полное сращивание и поглощение моей более сильной аурой его — зависимой и животной.

Надо же. Очень похоже на то, как выглядит зависимость Барона от Артура, но выраженная мощно

и гипертрофированно. Если умру я, этот монстрик тоже умрет. Он от меня теперь никуда.

Поразительно, конечно.

— А почему так? Как же они живут в дикой природе-то? А если вожак сдохнет? И что? Вся стая вслед за ним? — спросила я.

— Вожак-гронх неразумен. Просто закон силы: умер вожак, его место сразу занимает другой физически и энергетически сильный зверь, перехватывая контроль над стаей. Если же демону удастся покорить ничейного дикого гронха, то он подавляет его ментально. Разум берет контроль над сущностью и сутью дикого существа. Вы, Мари, не обладаете ментальной магией, как мы. Но некоторые способности все же имеются, вы и сами знаете. Поэтому в совокупности с вашим гневом, страхом, жаждой мести и желанием одержать победу любой ценой... У гронха не было шансов. Но вы самка, поэтому вам он не просто подчинился. Вы теперь для него чуть ли не великая божественная мать.

— Чего? — опешила я. — Какая еще мать? Они что, разумные?!

— Нет. Не мать, как мама. А объект восхищения, преклонения и бешеной любви. Это сложно. Что-то вроде собачьей преданности, но все гораздо более масштабно. Да вы просто на глаза его посмотрите и поймете. Он теперь ваш до последнего вздоха и капли крови. В стаю его уже не отпустишь.

Вот я уже думала, что сильнее офигеть не могу. Ан нет. Могу. Даже как-то слов нет. У меня одна рука, ослабев, свесилась с подлокотника. Цобачко тут же восторженно засопел во все три носа и бочком пододвинулся так, чтобы моя кисть легла на его загривок.

На ощупь он оказался горячий как печка. Шерсть жесткая, гладкая. Где-то там, внутри, под толстой

шкурой перекатывались мускулы и часто билось сердце. Ой! Два сердца, если только мне не мерещится от усталости и стресса.

Я пошевелила пальцами. Вроде уже и не так страшно, как было. Хороший коньячок, забористый. Погладила своего внезапного питомца. Кошмар какой. Это ж надо! На вид почти как Цербер¹ на древних фресках.

У меня вырвался смешок. Кажется, я догадываюсь, где древние греки видели подобных существ. Готова съесть целую шоколадку, и пусть меня потом стошнит, но господа демоны являлись со своей Изнанки и древним грекам, и древним египтянам, и первым христианам... Только одни их считали порождениями богов или титанов, а другие братьями дьявола.

Ну, Машка! Не могла кошечку выбрать. Или болонку, раз собаку вдруг приспичило. Нет же! Геракл в юбке! Подвиги совершает, укрощает древнегреческий ужас, порождение, если не путаю, Тифона и Ехидны.

— Хвост покажи, — попросила я своего, блин, питомца.

Гронх радостно вскочил, завилял этим своим отростком и сунул мне его в руки. Мол, смотри, дорогая хозяйка. Видишь, какой чудесный у меня хвост.

Посмотрела, что уж. А хвост посмотрел на меня двумя глазами с вытянутыми зрачками. И зашипел, высунув язык.

¹ Цёрбер, он же Кёрбер (от др. греч. Κέρβερος) — трехглавый пес со змеиным хвостом. На спине вместо шерсти также змеиные головы. Из пастей стекает ядовитая слюна. В древнегреческой мифологии он охраняет выход из царства мертвых и следит за порядком, не позволяя умершим возвращаться в мир живых, а живым проникать в царство Аида.

Я примерно чего-то такого уже и ждала, припомнив осолопевшим от двух глотков забористого демонического коньяка мозгом, как выглядел земной мифологический страж преисподней.

— Пошипипи мне еще. Жалю вырву! — вяло, без огонька пригрозила я змеиной башке на конце гронхова хвоста. — Яд будем регулярно сцеживать, мне для опытов пригодится.

Господи, дичь какая...

Змея моргнула, язык втянула, пасть закрыла. Подумала, да и прикинулась снова обычным хвостом. Оставив разбираться со мной три остальные головы. Которые почти как собачьи, только жутко страхолюдные.

— Слюни ядовитые? — спросила я в пространство. — Не отравит меня с Софи? И сам не отравится?

Адская псина дружно захлопнула все три пасти, подтянула слюни и застыла в глубоком раздумье. Это типа она понимает мою речь?

— Нет, не ядовитая, — ответил мне кто-то из демонов. Не успела понять. — Но есть ядовитые зубы, при необходимости они впрыскивают отраву во врагов или в дичь.

— Прелестно... — Я прикрыла глаза и глубоко вдохнула. Задержала дыхание. Посчитала мысленно, сколько дышалки хватило. Выдохнула.

Залпом допила коньяк. Заела его сначала каким-то кислым фруктом, следом пирожным. После чего села ровно и произнесла:

— Магистр Эррадо, я, собственно, к вам шла по делу. Нам необходимо уладить некоторые вопросы личного характера. И обсудить план лекций. Мне не совсем нравится то, что сложилось сейчас. Считаю, что я была бы полезнее в академии не как преподаватель алхимии и зельеварения, учитывая разную физиологию и энер-

гетическую сущность студентов. А как коуч и куратор по освоению мнемотехники и общему развитию.

— Ну что ж, маэстрина, давайте обсудим, — отставил свой бокал ректор академии. Сел ровно и обратился к своему коллеге: — Жду доклад о произошедшем, провинившимся месяц отработки, если дал им меньше — увеличь. И с каждого — полный отчет о его действиях, о том, что должен был сделать, и о последствиях их проступка. Из стипендии каждого вычесть штраф, на эту сумму купить ошейник для вызванного и упущенного гронха. Ошейник сейчас, маэстрине Мари скоро возвращаться в Одимен. Все остальное к завтрашнему утру.

— Есть! — коротко отозвался препод академии, встал с кресла и тут же исчез.

Эх, телепортация — это круто. Тоже хочу-хочу-хочу! Он даже портал не открывал, просто — хоп, и все.

— Магистр Эррадо, если можно, мне очень кратко и предельно доходчиво о произошедшем, — попросила я. — А то я что-то в шоке, меня накрыл отходняк, и мне... хочется убивать. Только не вот прямо сейчас, а как только ноги дрожать перестанут и я смогу встать.

— Маша, скажите мне лучше, почему вы не активировали выданный вам артефакт переноса и не вернулись в свой университет? Вы зачем с голыми руками, без магии, без оружия пошли на гронха?

— Дура потому что, — осмыслив, покаялась я. — Забыла я про артефакт. А с голыми руками, потому что оружия у меня нет, да и не умею я этими вашими кинжалами и шпагами пользоваться. Вот револьвер... М-да. Пришло время вспомнить навыки стрельбы.

— Против гронха бесполезно. Он слишком быстрый, увернется от пули. Да и шпагой его шкуру не проткнешь. Я про другое оружие, но, впрочем, это

уже неважно. Имя нужно дать сегодня же, это завершит настройку.

Я снова посмотрела на адского пса. Вот ведь мутант уродился, аж оторопь берет. Но привязываться к древнегреческой мифологии не хотелось, хотя она мне всегда была интересна и я много читала из нее.

— И почему он не собака? — риторически спросила я. — Было бы проще объяснить наличие такого питомца.

— Потому что он гронх, Маша. Но они тоже псовые, только хищные, дикие порождения бездны. Не образно выражаясь, а буквально. Они обитают в бездне. На поверхность сами никогда не поднимаются. Их оттуда можно вырвать одним-единственным способом: вызовом в ловчую пентаграмму. Вот наши студенты и отличились. Неверно выстроили ключевые узлы, гронх вырвался, сбежал. Ни поймать, ни уничтожить его они, естественно, не в состоянии еще, маленькие. На первом курсе настолько мощных заклинаний, чтобы пробить защиту гронха, они не знают.

— А тот магистр? Который нас сюда привел.

— Он бы уничтожил. Если бы вы не встали на пути, то он бы немного погонял первокурсников, чтобы ума набрались, а потом все же бросил заклятие на уничтожение.

— Жалко, живая скотинка-то... — посмотрела я на сидящего у моих ног монстра.

— А иначе никак. Портал в бездну не открыть. Если уж призвали в пентаграмму, то из нее и отправлять обратно. Но загнать гронха в нее невозможно. Так что, считайте, вы этому существу жизнь спасли. Не встретить он вас в том коридоре, сейчас провинившиеся студенты стены от копоти и крови отмывали бы. Но, может, и вам неплохо. Преданный охранник теперь есть, до последнего вдоха ваш. Жрет много-

вато, но только раз в несколько дней. В бездне мало пищи, ее обитатели питаются нечасто. Спит у гронха каждая голова по очереди, три всегда бодрствуют. Он всегда бдит. Так что вы будете под круглосуточной охраной.

— И Софи?

— Нет. Только вы. Он выполнит ваш приказ, если надо. Но объект его преклонения и охраны — вы. Не ваши дети, друзья, родня. Только и исключительно вы. Считайте, отныне это ваша тень.

Я вздохнула.

— Жрет-то он что?

— Все. В бездне не выбирают. Мясо, рыбу, овощи, траву. Вообще все, что найдут и добудут.

— Я ж не прокормлю троих... Мне что же, кормить каждую из трех голов?

— Нет, естественно. Он один, Мари, это только ртов четыре. Кормить раз в неделю, много по объему, но чем угодно, — хохотнул демон. — Имя. Дайте ему имя, и займемся делами.

Я снова посмотрела на довольного жизнью адского пса. Капец, он жуткий, конечно. Хорошо, я привычная ко всяким чудящим по мультфильмам, кино и тем же древнегреческим мифам. Да и то, Цербер все же посимпатичнее был на иллюстрациях.

Что-то бы созвучное с названием, что ли, выбрать? Не Шарик же. Я начала перебирать в памяти мужские имена. О, а кстати. Григорий¹ — имя хоть и христианское, но происхождение имеет древнегреческое.

¹ Григорий — мужское имя греческого происхождения; восходит к др.-греч. γρηγορέω («грегорео») — «бодрствую». У славян нарекали Григорием, сохраняя греческое значение. Русский смысл имени: недремное око, бодрствует, неусыпный, бдительный, страж.

Что-то там то ли про бодрствование, то ли про то, что не спит. Помню, как-то давно, в прошлой жизни, в чатике обсуждали имена, и упоминалось это среди многих других.

— Григорий, — сказала я вслух, положив руку на голову зверя.

Тот передернулся, будто его током шандарахнуло. Засветился весь, слегка нагрелся, но тут же потух и успокоился.

Причем все это моментально. Я даже руку не успела отдернуть.

— Имянаречение прошло успешно, привязка завершилась, — прищурившись, посмотрел на него ректор. — Хорошо. Теперь вернемся к нашим делам. Слушаю.

Я еще на несколько секунд зависла, а потом тоже передернулась и взяла себя в руки. Пересела за стол, открыла свой убийственный томик «Больших планов маэстрины» и начала работать.

Интересно только, почему мне с демонами проще общаться, чем с людьми? И те, и другие жители других миров, не Земли. Но демоны плевать хотели на этикет, условности, то «тыкают» мне, то «выкают». Меняют обращение произвольно и сами этого не замечают. Захотел демонический пацан жениться — перенесся, обручился с девчонкой и чихать ему, что там родители скажут. Не уверена, что Марсáлис говорить-то научился уже хорошо. А невеста так вообще младенец, считай. Но уверена, что и взрослый демон такой же финт с понавившейся девушкой легко провернет.

Хотят коньяк — пьют коньяк. И мне предложили. Попроси я кальян или сигару, думаю, и ее легко бы мне предоставили и бровью бы не повели. И никого не смущает, что леди не подобает, а нужно чай цедить.

Правда, что ли, к демонам рвануть на работу? Контракт с университетом у меня не вечный... Или во мне говорит обида, злость и разочарование?

Мадам Кармила меня здорово взбесила все же.

Закончили мы с магистром Эррадо нескоро, обсудив все мои предложения и полностью пересмотрев план обучения. Я успела начать преподавать студентам-демонам в академии алхимию, да. Но могу давать нужные рецепты в совокупности с тем, чему буду учить отныне.

Потренируюсь на демонах. А потом, может, и в Усаче так же поступим. Алхимиков в Иза ре много, хороших, знающих. Тех, кто сможет вести предмет не хуже меня, а то и лучше. Ведь у меня программа в мозг загружена скопом, я не всегда в курсе всего, что учила Мариэлла.

Но я единственный человек в двух мирах, который знает много необычных вещей, вроде тех же самых методов мнемотехники или скорочтения. Да и мне самой намного больше нравится вести именно общие курсы, саморазвитие, личный рост, рассказывать лайфхаки. И курировать культурно-досуговую работу студентов, общение с журналистами. Мне-Маше это намного ближе и интереснее.

Возможно, имеет смысл поговорить об этом с Артуром. Потом... Когда мы поймем, кто мы теперь друг другу. Больше не жених и невеста, но кто?

Пока мы с ректором работали, прямо в кровать к Софи перенесся ее малолетний кавалер. Причем неосознанно, потому что сам очень удивился, увидев ее и дедушку. Вот детвора там вдвоем и оставалась. Поужинала я в итоге тут же, в академии. Для Софи мне тоже выдали еды, годной для прикорма. И внука покормил демонический дедуля.

В общем, и поработали, и по-семейному посидели.

К этому времени давешний магистр, который не желал пока представляться, принес обмундирование для Григория. Помесь шлейки с португеей из толстой кожи, проклепанная в местах стыка деталей и с магическими застежками. Только я могу надеть и снять эту хрень. Обычный ошейник не годится, учитывая физическое строение моего питомца: три головы, три шеи, переходящие в корпус. Как следствие — это место широкое, мощное, грудью можно на таран идти. А вот к талии и хвосту тело ощущимо сужается. Вот чтобы не выскакивал ни там ни сям, шлейка надевалась широкой частью под места смыкания всех трех шей, а ремни на спине перекрещивались и застегивались в трех местах: сразу на загривке и по замку за передними лапами справа и слева. Выбраться самому из такой сложной конструкции нереально.

Магистр Эррадо мне все объяснял, но к нам не приближался, делала я все сама и сама же активировала кровью замки на ремнях. Никто не расстегнет их без меня. И к этой же конструкции крепился зачарованный крепкий поводок.

Гронх удивительным образом слушался и подчинялся едва ли не моим мыслям. Поворачивался куда надо, подставлял головы, шеи, спину, поднимал лапы. При этом был страшно доволен, норовил меня лизнуть и смотрел влюбленными глазами.

Если перевести эти три взгляда на человеческий, то было бы что-то вроде: «Ты ж моя утипусечка! Моя дорогая бесконечно любимая душечка! Обожаю, люблю, не могу. Ну дай же я тебя оближу!»

Кстати, до меня с запозданием дошло, почему ртов четыре. Сначала я думала, что магистр оговорился.

Про змею-то я и забыла. Она напомнила о себе сама. Ректор академии Изнанки накормил не только нас с Софи, но и мою адскую псину.

Глава 3

Гронху поставили здоровый таз с мясом и костями, порубленными кусками разной величины. Сверху щедро накидано какой-то зелени, мытой, но не очищенной моркови, картошки и, кажется, редьки. Я оценила масштаб порции и приуныла, тут, наверное, нехилых размеров баран поместился и на гарнир килограммов пять корнеплодов. Даже если раз в неделю, все равно для моего бюджета это тяжело будет.

Григорий моих дум не ведал, с аппетитом приналег на ужин. Причем ели все три головы, но по очереди. Тело только перетаптывалось, чтобы удобнее было. И вот тут-то и четвертый рот решил поесть. На конце хвоста проснулась змея, зевнула... — змеи зевают?! — покрутилась и нырнула под брюхом к кормушке. Не дотянулась, естественно. Но владелец хвоста послушно повернулся задом на минуту, змеиная пасть выбрала себе кусок по размеру и цапнула его. Гронх тут же развернулся мордами обратно к еде, а змея неспешно принялась заглатывать свой кусок мяса, словно натягиваясь на него.

Ужас! Кажется, у меня начинается фобия.

Я и собак-то никогда не любила, а уж змей так и подавно. А теперь вот...

Но зато, судя по словам специалиста, следующая кормежка только через неделю. Лучше даже еще позднее. Но не ранее, чем я вновь сюда приду в «субботу» читать лекции. Максимум, что мне разрешили,

угощать гронха чем-то вкусненьким с рук для поощрения. Совсем немного. А то пережрет животное, болеть будет. Хотя это и не животное как бы, а местная типа псовая нечисть. А вот воду разрешать и предлагать. Змее можно молоко иногда. Но совсем немного.

Артефакт переноса выпустил меня из перехода прямо у дверей моей комнаты в преподавательском общежитии. Время уже было довольно позднее, люди отдыхали, из-под дверей кое-где выбивался свет.

Григорий вышагивал рядом, крутил во все стороны тремя головами, принюхивался и нервно передергивался. Потрясений у демонического пса сегодня изрядно. Из бездны выгнали, убить пытались, книгой избили, покорили и привязали, покормили вроде, что хорошо. Но снова притащили неведомо куда.

Вот и выглядел он как взрослый щен, очень отважный, но которому все-таки страшно. А так-то он смелый.

Моя комната отчего-то оказалась не заперта, что странно. Мастер Ханк всегда за собой ее захлопывает. А кроме меня магический доступ я настраивала только на Артура. Но что бы ему тут делать без меня?

— К ноге. Тихо. Рядом, — велела я гронху и вошла в комнату.

Включила свет, повернулась и вздрогнула. В кресле напротив двери сидел магистр Гресс и щурился от внезапной яркости освещения.

— Ой. А ты чего тут сидишь в темноте? — растерялась я и даже перескочила на «ты».

Через миг Артур уже стоял, но это нормально, мужчина всегда встает, когда входит дама, так что я и не удивилась. А вот вспыхнувшие в руках магистра боевые пульсары — это совсем другое дело.

— Мари... — напряженным голосом произнес Артур, глядя мне под ноги.

Оттуда доносился странный звук, словно на низких частотах гудит мотор какой-то мощной техники. Даже не могу сообразить: не то бензопила, не то трактор, не то танк. Три мотора. Три мощных штуки.

Припав на передние лапы, готовый атаковать, там утробно рычал на Гресса мой песель.

— Свой! — коротко обронила я гронху, не зная, что делать и долго ли я удержу поводок, если эта гора мышц решит прыгнуть вперед.

Григорий заткнулся, как только прозвучал последний звук слова. Просто — хоп, выключил все три рычажки и сел на попу.

Ректор поднял на меня взгляд. М-дя. Вот так здоровые люди с ума и сходят. Надо пояснить как-то.

— Артур, ты только сильно не нервничай, ладно? Это мое цобачко. Так получилось. Ты погаси эти... пульсары. Он не станет на тебя нападать. Григорий, ведь не станешь? — Я посмотрела вниз.

Гронх радостно тройственно хрюкнул и завилял хвостом. Интересно, змею не качивает на таких аттракционах?

— Мари... — настороженно произнес Гресс, приглушая яркость своих заклинаний, но не убирая их до конца. — Где ты взяла гронха? И почему он теперь магически к тебе привязан?

— О! Ты это видишь? — обрадовалась я. — Какое облегчение! Ты присаживайся, я только устрою Софи в манеже. Они наигрались с приятелем, пик активности прошел, но спать еще рано. Барон тут? А, Рыжик, иди сюда, мой хороший. Кис-кис, — позвала я вкрай офигевшего кота, обнаружившегося на шкафу.

Вероятно, он взлетел туда, когда мы вошли.

Софи я опустила в манеж, накидала ей игрушек и пирамидок, поставила рядом бутылочку с водой. Софи, как и я, была водохлебкой. Пила воды много, с удовольствием, предпочитала ее всем прочим напиткам, кроме молока. Но молоко для нее это пока что еще все-таки еда.

— Сонечка, поиграй пока, хорошо? — улыбнулась я ей. — Мама познакомит нашу собачку со всеми.

— Собачку?! — сдавленно уточнил из-за моей спины Артур.

Устроив малышку, я выпрямилась и, не выпуская поводка гронха, вернулась в столово-гостиную зону.

— Артур, позови Барона, пожалуйста. Я познакомлю животных. Им придется много времени проводить вместе.

— Придется? Вместе? То есть ты не сбежала и не собираешься переезжать... — сделал странные выводы маг, тоже переходя на «ты». Ну надо же, свершилось. — Барон, иди сюда.

У кота было свое мнение насчет того, с кем он хочет знакомиться, а с кем — не очень. Но Григорий вел себя смирно, сидел у моих ног неподвижно, не рычал, не скалился, только отслеживал тремя парами... ах нет, четырьмя парами глаз передвижения Барона. Змее тоже интересно. А может, ее все-таки укачало, так сильно гронх мотылял хвостом.

— Барон, дружок, иди сюда. — Я взяла рыжика на руки, он шипел, вздыбив шерсть и прижав уши, но царапаться не пытался. А я принялась успокаивающе ворковать: — Смотри, это мой пес. Он вообще-то гронх, но это неважно. Ты не смотри, что он такой... внушительный. Он просто жил в бездне, а там все страшно и плохо. И он еще малыш, ему даже годика нет. Тебя он не обидит. Григорий, Гриша, знакомься.

Это мой маленький друг. Наш друг. Свой. Любить. Беречь. Не обижать.

Три гронховы башки сделали бровки домиком и поставили уши торчком. Потом все одновременно склонились набок, рассматривая кота на моих руках. Потом точно так же синхронно — на другой бок. Абсолютно собачьи повадки.

— Свой! — повторила я. Хвост Гришки вильнулся туда-сюда. Змея не выдержала и цапнула владельца за зад.

Толстая шкура гронха, естественно, не прокусилась, но хвост перестал летать как бешеный. И змея тоже открыла глаза и уставилась на кота. Кажется, будь Барон обычным зверем, он бы уже скончался от разрыва сердца. Но он тоже магическое животное, да и хозяин рядом. Стоит, напряженно следит за нами, но молчит. Хотя щит не снимает и боевые пульсары не убирает. Но это нормально, я его понимаю.

— Котик, я сейчас наклонюсь, чтобы вы могли друг друга понюхать. Хорошо, маленький? И надеюсь, ты сможешь помочь и присмотреть за моим питомцем. Гриша только по размеру большой, но ему нужен старший товарищ и учитель. Ладно, Рыжик?

Барон посмотрел на меня, выражая всей своей котячьей душой, что он думает насчет таких предложений, но тут подал голос Артур:

— Барон, знакомься. Это друг Мари. Он свой.

Ну вот и славно. Тот свой и этот свой. И радуется, что котик не просто котик, а что-то тоже умеет.

Гронх обнюхивал кота шумно, радостно, с энтузиазмом. Молодой пес, как я его воспринимала, был полон энергии, жажды жизни и любопытства. Даже хвост-змея соизволил осмотреть Барона и потрогать языком. Нервы у кота — стальные канаты. Я бы уже скончалась от ужаса, а этот шипит тихо, но тоже нюхает.

Нанюхавшись и насмотревшись, все три собачьи морды облизнули офигевшего кота, отчего он сразу стал немного несчастный и очень мокрый. У меня дернулся глаз. У кота дернулся хвост. Но он сдержался. Мужик!

Кстати о мужиках.

— Григорий, познакомься с Артуром. Нюхать. Запоминать. Свой. Это Артур Гресс, магистр, ректор, босс, шеф, мой начальник, друг. — Я старалась озвучить как можно больше ролей и слов.

Оставив в покое кота, гронх переключился на мага и принялся изучать уже его. Тот стоически терпел, только бледность и напряженный взгляд выдавали, что передо мной боевой маг, готовый в любую минуту атаковать демоническую тварь.

— Только друг? — спросил он вдруг невпопад.

— Что? — не поняла я.

— Только начальник, ректор и друг? — повторил он вопрос.

Я моргнула, не сразу поняв, о чем он. А он смотрел и ждал.

На столике перед ним лежал обручальный браслет. До меня дошло.

— Все сложно, да? — спросила я так же невпопад. — Убери свои заклинания. Эти странные существа подчиняются беспрекословно. Странная магия... Он вас с Бароном не тронет. Но ты, наверное, это и сам знаешь. Ты ведь магистр. Григорий, осмотри комнату. Изучай. Запоминай. Это наш дом. — Я отцепила поводок от портупей, и мое цобачко радостно ринулось изучать свое новое жилище.

Проследив за ним взглядом, я попыталась мысленно смириться с ущербом. Наверняка попортит мебель, ковры, посшибает и расколотит что-нибудь.

— Присаживайся, — подала я пример и опустилась в кресло. — Ты давно тут сидишь?

— Да, давно. — Артур наконец убрал пульсары и тоже сел. — Я хотел поговорить. Объяснить... Ты все не так поняла, Мари. Это не... — Он кашлянул.

— Я стала свидетелем их беседы, — сказала я. Прошло достаточно времени, я уже не злилась. Ну, случилось. Ну, неприятно. Ну, не подружимся мы с мадам Кармиллой. Фигня. — Так получилось, что я вошла тихо. А они скандалили в твоём кабинете. Услышала о себе много интересного. Да и потом мне то же самое, но в более приличных фразах прямо сообщили.

— Мари, она не знала. О том, что случилось. И о тебе.

— Какая разница, Артур? Знала, не знала... Ты не обижайся только, но мне безразлично, что обо мне думают чужие люди. Ведь я не думаю о них совсем. Просто не нужно говорить мне об этом. Я мадам Кармилле так и сообщила.

— Она не планировала расторгать помолвку и требовать у тебя назад браслет, — с досадой поморщился он. — Зачем ты так с ней? Она плакала.

— А я нет. Хотя сначала немного хотелось... — задумчиво ответила я. — Женщинам слезы не вредят. Подумаешь, поплакала.

Мы помолчали. Артуру было ужасно стыдно, он переживал, и я это видела. Он оказался между двух женщин, каждую из которых по-своему любит.

— Мари, я прошу тебя простить ее. Она хорошая женщина. Да, она не так умна, как ты. И не так сильна. Она не справилась бы и вполтину с тем, что ты делаешь шутя. Но она хорошая женщина, — повторил он, не зная, видимо, как еще сгладить мое впечатление о своей родительнице. — Не злись на нее сильно.

— Я не злось, — совершенно честно ответила я. — Мне уже все равно. Была в ярости, когда ушла из твоих апартаментов. Когда перенеслась в академию. Когда встала на пути сбежавшего дикого гронха, защищая себя и Софи. Я была в бешенстве, очень хотела кого-нибудь поколотить и спустить пар. Ему не повезло, он не на того оскалил свои пасти. По ним и получил.

Я ужасно устала, перенервничала, рассталась с женой, поругалась с его родителями, избила и приручила дикую нечисть, переработала стресс и разочарование, выпила коньяка, снова много работала и говорила. У меня не осталось сил на эмоции. Так что я была спокойна, даже меланхолична.

— Что ты подразумеваешь под «по ним и получил»?

— Я его забила своим ежедневником. Мои большие планы никого не оставляют безучастными, — вздохнула я.

— Не понял...

Я закатила глаза и рассказала, как все случилось. Причем из-за адской усталости говорила безэмоционально и ровно... Ну а чего, все уже свершилось. Вон, бегают шерстяная тумба на ножках, носы свои везде сует.

— Поверить не могу... — как-то сдавленно произнес ректор, глаза его подозрительно блестели, губы побелели то ли от ярости, то ли от страха за меня, а одна щека дергалась.

— Я тоже, — отозвалась я. — Задолбали меня ваши магические... нюансы. Не вздумай тоже спрашивать, почему я не активировала артефакт переноса или почему не попыталась гронха испепелить. Забыла. К тому же он так неудачно попал под руку... Или, наоборот, удачно, я пар спустила. Мне больше не хочется убивать.

Гресс закрыл лицо руками и расхохотался. Истерика, похоже, у мужика. Бывает.

Я откинула голову на спинку кресла и расслабилась. Спать ложиться надо. А сил нет. А еще надо Софи помыть, переодеть, усыпить. И самой ванну принять... Устала я.

Отсмеявшись и снова став серьезным, он спросил:

— И что теперь? Как дальше?

— Н-ну, тебе придется выпустить приказ ректора, что ты разрешаешь мне содержать на территории Уса-ча и в общежитии эту адскую хтонь. Я от него теперь никак не избавлюсь, меня уже просветили. Я, конечно, знатно... шокирована всем этим. Но, может, сие и неплохо. Охранник вот пожизненный. Питомец типа.

— Я не совсем про это. Но хорошо. Я про нас. Мари, ты разорвала помолвку.

— Не я, а твоя мама.

— Она тоже так думает и плачет. Но мы-то с тобой оба понимаем, что ты ее просто подставила и использовала. Ты не хочешь за меня замуж? — напряженно спросил он. Взял со столика обручальный браслет и принялся его медленно вертеть, чтобы занять чем-то руки.

Глава 4

Я несколько секунд следила за его пальцами, а потом нехотя призналась:

— Знаешь, я, наверное, просто не хочу замуж. Вообще. Абстрактно. Я не готова.

— То есть дело не во мне?

— Как бы тебе объяснить... Господи, как же курить хочется со всеми этими нервами... И ведь не курю же

даже, но вот хочется... Дай табачную сигарету, хоть понюхаю гадости. А то крыша едет от всего происходящего.

— Ты так странно говоришь сегодня. И перешла на «ты». — Повозившись в кармане, Гресс вынул и дал мне то, что я просила.

— Я не странно говорю, Артур. Сегодня я так вымоталась, что у меня не осталось ни крупицы жизненных сил на все эти ваши этикетки и высокопарные речи. Я не аристократка. Ты ведь помнишь, что у нас их в принципе давно нет? У нас очень простое, демократичное общество. Мы не соблюдаем в повседневной жизни высокий слог. Общаемся простыми фразами. Можем послать друг друга матом, если доведется. Да и просто выругаться. И, представь, я тоже ругаюсь, если припечет. А еще у нас принято выражать мысль в сети коротко, лишь главное. Иногда телеграфным стилем. И не приходится выстаивать целую дипломатически выверенную речь. И ты бы знал, как мне опостытели все эти ваши долбанутые заморочки. Туда не ходи, так не смотри. Вот это не надевай, а то щиколотка из-под юбки аж на два сантиметра видна. Камон¹! У нас девушки порой юбки носят такие, что они больше на широкий пояс похожи.

Перед тем как вляпаться во все это попаданство, я провела вечер с коллегами. Мы пили алкоголь, представь себе. Хихикали, как стая гиен, так было весело. А юбка у меня была обтягивающая и коротенькая. Едва зад прикрывала, но красивая и новая. И тут, блин, монашеские рясы Мариэллы. Интернета

¹ Камон (от *англ.* come on) — в современном молодежном сленге имеет одно из значений «да ладно».

нет, телефонов и компьютеров тоже. Ни позвонить кому-то, поболтать по душам. Ни на сайте посидеть или кино посмотреть. Ни, блин, напечатать текст нормально. Я последний раз писала что-то от руки еще во время учебы. А потом все в смартфоне или планшете. Заметки, таблицы и доки на диске. Удобно же. И это я только про бытовой аспект. Но это ведь не все... Все эти ваши... внебрачный ребенок, ах она блудница, да как же она будет с дитем работать. Ау! Очнитесь, дворяне! Как-как... Каком кверху! Вы что, думаете, ваши бабы, простые селянки или работницы на фабриках, не имеют детей? Уборщицы, поломойки и посудомойки, прачки, ткачихи, швеи... Сотни тысяч женщин детородного возраста на низкооплачиваемых работах. Вы реально верите в то, что у них есть няньки, которые следят за их чадами, пока мать в грязи, пыли и адских условиях вкалывает? Не попадались тебе фотографии, где сидят женщины вдоль конвейера и делают тупую, монотонную дешевую работу? И у каждой второй к спине привязан слинг с младенцем. А потому что есть что-то надо матери, а на это деньги нужны. И ребенка оставить не с кем. Вот он и глотает пыль вместе с нею. Но нет же, мне мозг только ленивый не попытался выклевать, а как же это я с грудничком работать собираюсь? Да вот так и собираюсь. Потому что нам обеим нужно что-то кушать, причем каждый день, и желательно не единожды.

— Мари, я...

— Нет уж погоди! Ты спросил, я рассказываю. Завтра я снова стану сильной, ироничной и непробиваемой, натяну на лицо улыбку, возьму в руки себя, ребенка и эту трехголовую жуть на ножках. Глубоко вдохну и пойду покорять миры. Но сейчас дослушай, пока

я уставшая и готова это сказать. Мадам Кармила огорчилась, что расторгла помолвку сына? Скажите, какая трагедия! А она не огорчилась, когда много чего говорила обо мне? Нет? Когда выражала мысль, что ее сыну недопустимо иметь что-то общее с подобной особой и это страшный мезальянс? Не было у нее желания выразить сочувствие молоденькой девчонке, которая надрывается с утра до ночи, чтобы выкарабкаться из того дерьма, куда ее втоптал еще один весь «ах какой приличный на публике» аристократ? Уверена, что нет. Ей это безразлично. Потому что она благовоспитанная леди из высокого рода, вышла замуж девственницей, вела светскую жизнь, ни разу не отступая от этикета. И, наверное, самой большой проблемой мадам был сломанный ноготь и испорченный маникюр. Она бы выкарабкалась, угоди в такую беду, как Мариэлла? Мариэлла вот не смогла, сломалась. Хорошо, хватило ума не в омут с головой или повеситься, а вызвать помощь из другого мира, а самой сбежать.

— Мари, пожалуйста...

Я жестом велела ему молчать. Меня несло, остановиться я уже не могла. Вот сейчас все выскажу и успокоюсь. Причем я не кричала, не повышала голос, говорила все это ровно. Но, наверное, так оно еще жестче.

— Ты не думай, я не собираюсь с твоей мамой воевать, распускать о ней слухи или как-то досаждать. Боже упаси. У меня, конечно, поганый характер, признаю, но мне не за что ей мстить. Мы посторонние люди, и так оно и останется. Пообщались пять минут и разошлись как в море корабли. Я, собственно, вообще не собиралась эту тему поднимать и обсуждать. Ну, поговорили, ну и все, мне безразлично ее мнение обо мне. Я ведь о ней самой вообще ни секун-

ды не думала ранее и не собираюсь впредь. Мы вряд ли еще когда-либо снова увидимся с мадам и месье Грессами. Но тебе не стоило сейчас защищать ее. Вот это меня взбесило. Что же касается нас с тобой...

Я вздохнула и устало потерла лоб ладонью.

— Это была ошибка. Нам не следовало так поспешно заключать помолвку. Мы совсем не знаем друг друга. Я тебя не знаю вообще. Только то, что ты приоткрыл во время наших бесед. И ты меня не знаешь. Причем абсолютно. Я втянулась и старательно играю чужую роль, мне это даже удастся. Никто не разоблачил за столько месяцев, что я не местная. Но я ведь разная. Понимаешь? Ты видишь меня в амплуа матери, да и то ребенок-то не мой. В роли преподавателя. Маэстрины. Коллеги. Трудоголика и энтузиаста. Но ты совсем не знаешь меня — Машу. Марию Каменеву. А я не представляю, какой на самом деле ты. Ты тоже живешь под масками, как и все мы. Понимаешь? Да что тут говорить... Мы с тобой вон жениться надумали, а сами продолжали друг другу «вы» говорить. А я так не могу. И не хочу.

— Так принято, Мари, ты леди, и я...

— Я не леди, Артур, — печально улыбнулась я. — Никогда ею не была. Я самая обычная девушка, не лучше и не хуже сотен тысяч, даже миллионов, таких же. Только не здесь, а там, — мотнула я головой. — Но ты не можешь этого знать, я понимаю. И у нас жених с невестой не общаются на «вы». Они ругаются, мирятся, разговаривают, проводят время вместе, узнают друг друга. Часто бывает, что осознают, что не подходят друг другу и не готовы провести вместе остаток жизни. А у нас с тобой не было возможности что-то понять друг о друге. Ты проявил благородство, я поддалась ему, как-то даже и не поняла сама ничего.

— И что же дальше? Ты бросаешь меня?

— Я не знаю. Но знаю точно, что дату свадьбы ты поспешил выбрать. Мы не готовы к столь серьезному шагу. Ни я, ни ты, ни твоя семья.

Гресс сидел, сжав зубы, и старался на меня не смотреть. Сомневаюсь, что он хоть раз в жизни выслушивал столько всего неоднозначного.

— Артур, — грустно позвала его, — я не обманывала и не лукавила, принимая твое предложение. И позднее. Я действительно испытываю к тебе чувства. Но сегодня поняла, что к браку не готова. И ты тоже. Подумай над этим.

— А если я отменю дату свадьбы, перестану тебя торопить? Я подожду, раз так надо. Сколько ты хочешь времени на помолвку? Полгода? Год? Ты при-
мешь назад мой браслет?

— Не заставляй меня это говорить, пожалуйста, — тихонечко попросила я. — Не могу я, не хочу и не готова выходить замуж, становиться мадам, кому-то что-то доказывать и сражаться за свое достоинство с твоей многочисленной родней. Ведь твоя мама — это лишь первый звоночек, а там еще толпы Грессов, у вас большой род. Ты мне нравишься, очень. Но даже ради тебя я не желаю битвы с кем-то.

— Видишь ли, Маша, — криво улыбнулся он. — Тебе я просто нравлюсь. А я тебя люблю. И как же мы... — Он кашлянул. — Я не позволю тебе уволиться и сбежать к демонам. У тебя контракт. И ты очень нужна здесь нам всем. Мне нужна!

Я печально моргнула. Ну что он от меня хочет? Не знаю я, что делать. Я хочу пироженку и на ручки, а не вот это вот все.

— Пирожные в шкафчике, я накрыл стазисом, — как-то растерянно сказал ректор.

— Я что, думала вслух? — удивилась я.

— Наверное... — дрогнули уголки губ Артура. — Я давно тут сижу, а пирожные были к чаю.

Я помолчала, наблюдая за перемещениями Григория по комнате. Надо его приучать к короткой форме имени. Чем я вообще думала, выбирая такую длинную кличку?

— Кстати. Откуда ты знаешь, что эта демоническая гадость называется гронхом? И ты уверен, что смог бы его остановить пульсарами?

«Демоническая гадость» была занята, вынюхивая что-то под моей кроватью.

— Видел. Наши умники иногда вызывают не только демонов, случаются осечки и прилетает вот это. Нечисть давно описана, классифицирована и занесена в бестиарии. Уровень опасности красный, то есть смертельный. Приручить его никому из людей еще не удавалось. Потому что они не поддаются людской магии и внушению. Насчет же своих сил, да, я уверен. Они вернулись еще не в полном объеме, с аурой все сложно. И до конца восстановиться я в ближайший год вряд ли сумею, хотя твои жуткие на вкус и запах эликсиры помогают, за что тебе огромное спасибо. Но на то, чтобы нанести смертельный урон молодому гронху, моих сил хватило бы. Я не атаковал сразу же лишь потому, что ты держала его на поводке. Вашу связь увидел позднее.

— Ага... — глупо ответила я. — Как же я с ним на занятия-то завтра пойду?

— Оставь в комнате.

— Он мне тогда туфли сожрет. Гриша, фу! — шикнула я. — Его ж еще и выгуливать надо. О-о-ох... Не хочу-у-у, — заканючила я. — Не люблю собак. С ними гулять надо дважды-трижды в день. То ли дело котики или хомячки. Ну бли-и-ин...

Я грустно шмыгнула носом. Так все хорошо было, с Софи гулял мастер Ханк, кот сам себя выгуливал, а теперь вот... А там холодно, снег и фу.

Артур смотрел на меня, смотрел и вдруг начал давиться смехом.

— Ну что еще?

— Мари, ты такая... Забила демоническую нечисть тетрадью и приручила ее. Довела до истерики мою мать. Разорвала помолвку с одним из самых завидных женихов королевства. Не говоря уже о том, что я твой непосредственный начальник, а ты меня бросила. Маркиз Нобль слова теперь боится лишнего сказать, так ты его построила. Вымуштровала студентов двух миров. И канючишь, что тебе придется гулять с собакой трижды в день.

— Не смешно, — фыркнула я. — И Гришку я не забила. Просто мне испортили настроение, я была чуточку зла, а он под руку попал.

Артур расхохотался, а я пожала плечами. Когда он отсмеялся, я встала.

— Поздно уже, я очень устала. Думаю, сегодня мы обойдемся без прогулки. А утром познакомлю Ханка со своим... песиком. Вдруг мастер будет добр и избавит меня от прогулок?

— Мари, могу я все же спросить? — Ректор тоже поднялся вслед за мной. — Мы с тобой?..

— Взяли паузу, чтобы лучше узнать друг друга, — помедлив, ответила я. — А браслет мне мешает в работе. Все прекрасно видят, что я не ношу никаких украшений, кроме сережек.

Покрутив обручальный браслет в руках, Артур спрятал его в карман. Мы помолчали, но я выразительно посмотрела на дверь, намекая, что пора бы уже дать мне возможность отдохнуть.

Когда мой жених, то ли бывший, то ли будущий, ушел вместе со своим котом, я позвала гронха:

— Гриша, иди сюда. Я покажу тебе, как использовать сантехнику и смывать за собой. И купаться.

Купаться гронху не очень хотелось. Но он ведь не думал, что я оставлю жить в своей комнате существо, у которого могут оказаться демонические блохи из бездны? Так что как миленький и вымылся, и уши дал вычистить, и змею отполировать. Даже распробовал и кайф словил. В этой их бездне банные процедуры явно отсутствуют. Там вообще вода-то есть?

Освоили новые команды. Я их все сопровождала жестами, чтобы приучить его и иметь возможность при необходимости указывать без слов. Буду считать, что у меня такая собачка, редкой породы. Каких только уродцев не понавыводят собаководы. Порой смотришь и думаешь, страсть-то какая! А сто ит она при этом как крыло самолета... А хозяева кичатся и радуются, смотрите, говорят, какая у меня лапушка... А «лапушка», словно черт пучеглазый и линялый, сопит, хрюкает и слюни пускает.

Моей «лапушке» пришлось еще в добровольно-принудительном порядке освоить унитаз. Ничего, приспособился, перестал промахиваться и научился смывать. Рост и количество мозгов позволило. Все же тройной комплект и еще довесок.

Жрал гронх, конечно, в дикой демонической природе что-то такое же огромное, дикое и мясное. Но в качестве поощрения очень радовался сухарикам. Самым обычным, маленьким сухарикам. Их Софи очень любит. Теперь не только она.

Все время, пока я вписывала в быт своей небольшой комнаты неведомую хтонь и поощряла ее сухариками, я ни на секунду не теряла ощущения абсо-

лютного сюра происходящего. Но как-то вроде уже и привычно.

Утоптав всех по местам, я и сама без сил упала в постель. Спать!

Глава 5

Артур Гресс вышел из комнаты своей теперь уже бывшей невесты. На душе было паршиво. А наверху, в гостевой комнате, его ждут родители. Судя по шлейфу духов, матушка все же не усидела, пришла за ним. То ли чтобы узнать, долго ли он еще, то ли чтобы извиниться. И хотя он накидывал полог тишины во время разговора с Мари, мадам Гресс могла и вскрыть, подслушать разговор. Маг она весьма неслабый, хотя и не афиширует. За это на ней и женился отец: девушка с сильным даром из хорошего рода.

Артур уже и сам не знал, чего ожидать от дорогой родительницы. Ему стоило нечеловеческих усилий не устроить совершенно неприличный скандал, когда он увидел на столе обручальный браслет, который не так давно надел на руку любимой женщине. Невероятной, удивительной женщине, от которой совершенно потерял голову. Так радовался, торопил события, ведь она согласилась стать его женой.

— Я не виновата! — нервно воскликнула мама, проследив взгляд сына. — Эта вздорная девица...

— Кармила! — осадил ее супруг.

— Нет, Пауль, подожди! Я не требовала от нее разрывать помолвку! Да, я сообщила ей, что это мезальянс, что она не достойна того, чтобы войти в нашу семью! Но эта особа и сама должна понимать такой очевидный факт. Это возмутительно, как она себя

вела! Я... я не могу позволить... Пауль, ты же видел, с каким выражением лица она меня слушала. Вежливая снисходительность! Скажите, какая дерзость! Словно она выше меня по положению и знает что-то эдакое... Но я не заставляла ее отдавать мне браслет.

Мадам Кармила Гресс нервничала, заламывала руки, голос ее срывался на истеричные ноты.

— Потому что она слышала твои слова, Милла. Как она еще могла на тебя смотреть? Но тебе оказалось мало, ты еще и в лицо ей гадостей наговорила.

— Отец? — уточнил Артур, пытаясь не повысить голос.

— Мы были в кабинете, разговаривали, и довольно громко. Не заметили, как твоя невеста вошла и стала свидетелем слов, ей не предназначавшихся. Прости, Артур. Твоя мама волновалась и...

— И поливала грязью незнакомую девушку? — начал понимать произошедшее Артур.

— Но я же не знала, что она все услышит! Эти слова были не для нее! Ей я сказала все вежливо. А она... Но я не специально. Она же улыбалась, спокойная, сдержанная, подошла с ребенком на руках и попросила помочь расстегнуть. Я помогла, конечно же! Я ведь не монстр какой. А это оказалось... вот.

Кармила Гресс моргнула, и у нее скатилась слезинка. Плакать она умела красиво и очень гордилась этим.

— Не надо, мама, — поморщился Артур. — Что еще вы ей наговорили?

— Ах, сынок, ну не надо делать из меня чудовище! Я всего лишь напомнила этой вульгарной особе...

— Вульгарной?! — Артур все же не выдержал и рявкнул. Мать он любил, но ее снобистские замашки бесили его всегда. — Безупречная, идеальная Кармила Гресс не оценила выбор сына. Как это

удивительно... — Голос его скрипел от бешенства. — Великолепная до кончиков ногтей мадам Кармила ничего не знает, ничего не понимает, не в курсе никаких подробностей, но явилась и начала оскорблять женщину, которую обожает весь университет. Женщину, за которой студенты ходят толпой и заглядывают ей в рот.

— Артур! — взвилась матушка. — Не смей так разговаривать с матерью!

— Нет уж послушай, мать. Ты ведь посчитала возможным оскорблять женщину, которая в одиночку, без поддержки рода, семьи, друзей и кого бы то ни было растит ребенка! Но тебя ведь волнует только один аспект, не правда ли? То, что этот ребенок рожден вне брака. Но ты спросила у Мариэллы, как так вышло? У меня? Хоть у кого-то поинтересовалась? Ну нет, зачем. Уверен, ты просто завуалировано и крайне элегантно заявила ей что-то вроде того, что она распутница.

— А ты скажешь, это не так? Артур, опомнись! Сколько ей? Чуть больше двадцати, судя по лицу. Ясно же, что ребенка она... с этим мерзким юным Ноблем.

— Этот мерзкий юный Нобль, — подойдя к матери вплотную и нависнув над ней, сквозь зубы процедил Артур, — похитил ее, опоил и неделю держал в плену. Пытал, избивал и насиловал. Вот такая она распутница, мама. И это я нашел ее. Это мы с Алексом вытащили из укрытия Нобля умирающую девушку. На ней не было живого места, мама. Этот ублюдок любил развлекаться художественной резьбой по живому телу. Мы в стазисе ее везли в лазарет, иначе бы не успели, она почти умерла, мама. И да, вина целителей, что они сумели вернуть девочку к жизни,

но по неведомой мне причине пропустили беременность. А она была слишком неопытная, юная, сломленная — и не поняла этого вовремя.

Кармила Гресс слушала с побелевшим от ужаса лицом и дрожащими губами.

— А еще, мама, эта женщина, которую ты считаешь недостойной, сумела сдать экстерном экзамены и закончить столичную академию магии с отличием. Не сказав никому ни слова, она уехала в какую-то дыру и там одна, совершенно одна, без единой близкой души рядом, выносила и родила ребенка от насильника и убийцы. И вот ведь, представляешь, мама, даже нашла в себе силы не подкинуть своего ребенка в приют. А растить его самой.

— Артур, не надо, — позвал его отец.

— Надо, папа. Надо. Моя добрая мама очень любит считать себя безупречной. Идеальной. И видят боги, мама, я тебя люблю. Но ты не имеешь никакого права, ни морального, ни человеческого, так думать о Мариэлле.

— Но я же не знала... — пролепетала Кармила Гресс. — Бедная девочка... Я извинюсь перед ней. Я же...

— Я дам тебе почитать занимательную историю. И да, там каждое слово — правда. Более того, мама... — Артур наклонился и тихо сказал: — Я обещал Мари не раскрывать ее секрет, но мы ведь одна семья, и вы мне дадите клятву, что никому не проболтаетесь. Мариэлла Монкар не выдержала этого ужаса. Не вынесла общения с такими добрыми благовоспитанными женщинами, как ты или твои подруги, мама. С безупречными и безукоризненными дамами, у которых на званом ужине салфетки не того цвета — повод для истерики... Она провела обряд и призвала из другого мира душу, взамен своей.

Сбежала от своей сломанной и растоптанной жизни, мама, чтобы не убить себя и свою новорожденную дочь. И теперь все это расхлебывает еще одна ни в чем не повинная женщина, из другого мира. Которой тоже сломали судьбу, выдернув из привычной жизни и зашвырнув сюда. К чужому ребенку, чужой трагедии, чужим обычаям. Ты говоришь, она улыбалась, слушая, как ты ее оскорбляешь? А что ей оставалось, матушка? Плакать? Уверен, она уже нарыдалась на годы вперед и как Мариэлла, и как Мари. И знаешь, что самое смешное, мама? Обряд обмена душ Мариэлле Монкар подсказал зимой наш с вами достопочтенный архимудрый родственник. И он же принял ее на работу сюда, в Усач.

— Что?! — опешил Пауль, до того молча слушавший и с неодобрением поджимавший губы. — Не может такого быть!

— Еще как может, отец. Он тогда и нанял маузель Монкар к нам сюда. Назначил преподавателем алхимии и зельеварения. И он же ей подкинул обряд из древних знаний. Он мне сам признался. Смеялся, нес какой-то бред и говорил, что жалко же, хорошая девочка такая. И вторая хорошая. Обе милые, а третья вообще чудесная. Только я тогда не улавливал, о чем речь. Считал, что мэтр окончательно впал в маразм. А оно вон как. А когда я навестил его на днях, мэтр Кастор вообще не понял, что мне нужно. Снова улыбался и говорил, что хорошие они, все три. А потом стал хихикать и вовсе уж какую-то околесицу понес, что все решит выбор трех. Он совсем плох уже.

— Артур, это невозможно, — тихо пролепетала Кармила. — Ты разыгрываешь нас, да?

— Нет, мама. Я спас Мариэлле Монкар, вытащив из плена и подкинув в академический лазарет. А мне

не позволила умереть в подворотне Мария Каменева, девушка из другого мира, когда ехала с чужим ребенком, на чужую должность, в чужом мире, пребывая в чужом теле. Она пробыла в Одимене всего-то пару дней, и можешь представить себе ее шок и ужас. Увидела на улице Барона, безуспешно пытавшегося хоть кого-то позвать мне на помощь. Рискнула, пошла спасать котят, как она думала. А спасла меня, валявшегося в помойке с проломленным черепом.

Кармиллу начала бить нервная дрожь. Светская леди не привыкла к подобным новостям, ее всегда щадили и берегли и родители, и супруг, и сын. Но, кажется, мама перестала понимать, где надо остановиться.

— Я... Я извинюсь перед ней. Артур, я правда не хотела. И я неправа, не нужно было...

— Да, не нужно было.

Резко отойдя от матери, Артур постоял, глядя в стену невидящим взглядом. Его душили злость и обида за Мари. Надо бежать к ней, она ведь там наверняка тоже вне себя от ярости. Как же его мама довела всегда невозмутимую девушку, что та разорвала помолвку.

Резко выдохнув, Артур подошел к сейфу, открыл его и вытащил тетрадь в картонной обложке. Мари попросила его некоторое время назад помочь с копиями, сама она не умела тиражировать и копировать. Да и уровень магии ей не позволял. Она даже сказала ему, что там и для чего. А он сохранил один экземпляр себе и припрятал. Почитал потом, обеспечил себе некоторое количество седых волос...

— Почитайте. Это то, разглашения чего так опасается маркиз Нобль. И да, тут все правда от первого до последнего слова. Подумай, мама, а как бы ты себя

вела и чувствовала, оказавшись в том ужасе. А мне нужно найти свою невесту... бывшую. Барон, пойдём, малыш.

Мари он не нашел. Ее никто не видел. Вернулся в свои апартаменты и обнаружил там заплаканную матушку, которая все прочитала, прониклась и страшно раскаивалась и сочувствовала. Отец тоже был бледен и подавлен.

— Ну что, Артур? Ты нашел ее? Как ты сказал, Мария, да? Я хочу извиниться, — гнусаво, хлюпая носом, сказала Кармила.

— Нет.

— Она говорила что-то про некоего Эррадо и планы, — припомнил отец.

— Демоны! — в сердцах всплеснул руками Артур.

Матери пришлось найти успокоительную настойку, она была на грани нервного срыва. Отец предпочел крепкие напитки. Артур же махнул рукой на родителей и ушел ждать Мари. Вернется же она рано или поздно.

Дождлся, поговорил. А мама, судя по аромату ее духов в коридоре, не выдержала и пришла мириться. Но в итоге наверняка подслушала часть беседы. Ну что ж.. Она это заслужила.

А Мари снова удивила его. Невероятная женщина. Надо скорее выпустить приказ про этого гронха. Артур негромко рассмеялся...

— Вы помирились? — едва вошел он в свою гостиную, с порога спросила Кармила.

Они с отцом так и сидели там, ожидая его.

— Ты улыбаешься, — произнес отец. — Эта девушка, Мария... Она простила, гм, нас? Вы снова помолвлены?

— Нет, она отказалась выходить за меня замуж. Сказала, что не готова к такому.

— Но ты смеешься, — неуверенно заметила матушка. — Все не очень плохо? Можно еще исправить?

— Мам, пап, вы не поверите, — глядя на них сияющими от смеха и восхищения глазами, ответил Артур. — Мари ушла к демонам, потому что была в ярости и хотела направить ее на работу. А тут ей навстречу — сбежавший от студентов-первокурсников гронх.

— Что?! — опешил Пауль. — Девушка пострадала? Нужна помощь? Милла, ты почему не сказала?!

Кармилла, насупившись словно девчонка, промолчала. Она-то подслушала кусочек разговора, но признаваться в этом сыну не собиралась.

— Нет, пап. Помощь нужна если только гронху. Мари его избилла ежедневником. У нее есть такой, в черной обложке и с надписью «Большие планы маэстрины». Вот гронх был погребен этими планами. Деморализован, забит и шокирован. Мари его подчинила, привязала к себе и даже имя ему дала. Причем сама в ужасе от этой твари и называет его «демоническая хтонь» и «цобачко». В ее мире ничего подобного не водится.

Пауль смотрел в ожидании фразы, что это шутка. Но Артур молчал и лишь улыбался все шире и шире.

— Это что, правда? Эта хрупкая девочка избилла дикую нечисть своими планами?

Артур кивнул.

— И привязала ее к себе?

Снова кивок.

— И дала имя?

И вновь подтверждение.

— Так это что, у нас в Усаче теперь работает преподаватель с подчиненным и привязанным гронхом?

Артур снова кивнул, как заводная игрушка.

— Вот видишь? — жалобно промямлила Кармила. — А я все испортила. Гронх большой? Я их только на картинках видела. Брр...

— Большой, но молодой. Мам, я тебя любию, но пожалуйста, никогда больше не лезь в мою личную жизнь.

— Но вы не помирились? Я не пойму. Ты улыбаешься, но...

— Мари мне отказала, но не отвергла окончательно. Буду снова ухаживать и пытаться добиться ее расположения, — развел руками ректор Усача.

— Нахалка какая... — пробурчала обиженная за сына женщина.

— Мама!!!

— Кармила!!!

— Нет, ну а что она о себе думает? — сконфуженно, но все равно возмущенно пробормотала мадам Гресс. — Да, я ее обидела. Но расторгать помолвку, бросать моего ребенка...

— Ну, вообще-то, мама, ты именно этого и добивалась. Разве нет? Ты приехала указать Мари ее место и сделать так, чтобы свадьба не состоялась. Она и не состоится.

— Артур, но я же извинилась! Я была неправа. И я завтра найду эту девочку и поговорю с ней. Объясню, что так нельзя. Что о нас люди подумают?

— Думаю, Мари это безразлично: что о ней подумают некие абстрактные люди, — усмехнулся Артур.

Давно он так не нервничал и не переживал. Сначала был в бешенстве из-за выходки драгоценной матушки, потом в панике, что Мари сбежала и не вернется. После вообще уже не знал, что думать, поскольку вещи оказались на месте, но Мари все не возвращалась и не возвращалась.